Философский энциклопедический словарь ; ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М., 1999.

Этика : энциклопедический словарь ; под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М., 2001.

© Бескова Т.В., 2010

Н.А. Борисов

ПЯТИЛЕТИЕ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»: ПОСЛЕДСТВИЯ «НАВЯЗАННЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ»*

БОРИСОВ Николай Александрович – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва) (e-mail: nborisov@rggu.ru)

Аннотация. *В статье рассматриваются основные результаты трансформации политических систем Украины и Кыргызстана после смены элит во время «цветных революций». Отмечается, что важнейшими факторами политического процесса в этих государствах явились навязанные политическими элитами социальные размежевания, имеющие в большей степени субъективный, чем объективный характер, и не позволяющие называть указанные общества многосоставными.*

Ключевые слова: *политическая трансформация, «цветные революции», многосоставные общества, социокультурные размежевания, политические идеологии, политический плюрализм, политическое участие.*

В ноябре 2009 г. исполнилось пять лет «оранжевой революции» на Украине, а в марте 2010 г. – «тюльпановой революции» в Кыргызской Республике. Наступило время подводить некоторые итоги. В статье сделана попытка решения двух основных исследовательских затруднений, возникших в ходе анализа политического процесса в указанных государствах: во-первых, можно ли рассматривать Украину и Кыргызстан как многосоставные общества, во-вторых, стало ли итогом их трансформации формирование новых политических режимов.

Существование в обоих государствах персоналистских режимов, характеризующихся незавершенной консолидацией, их разрушение и долгая

* Статья подготовлена в рамках исследовательского гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук и их научных руководителей (грант МК–1761.2008.6).

эволюция по сходным путям обусловливает исследовательский интерес к сравнению именно этих двух примеров.

Начать следует с мнения Д. Горовица, одного из критиков А. Лейпхарта, о том, что не всякое полицентрическое общество можно считать многосоставным в лейпхартовском смысле и не любое долевое распределение властных полномочий можно считать консоционализмом[1].

А. Лейпхарт понимает многосоставные общества как общества с фрагментированной политической культурой. При этом для успеха модели консоциальной демократии должны существовать четкие линии раскола между субкультурами (этнические, территориальные, религиозные), высокая степень политической сплоченности каждой субкультуры и наличие «лидеров групп», выражающих интересы соответствующих субкультур и признаваемых ими в качестве лидеров. Последнее предполагает наличие политических партий, которые адекватно и отчетливо выражают интересы субкультур[2]. Из этого с очевидностью следует тезис об отсутствии у граждан страны единой гражданско-политической идентичности.

На Украине эти критерии присутствуют не в полной мере. Даже если констатировать наличие в стране разных политических субкультур, четких линий раскола между ними провести практически невозможно. Упрощенный территориальный раскол «Запад – Восток», часто артикулируемый политиками и исследователями, при внимательном рассмотрении не имеет четко выраженных границ. Для Украины раскол не имеет этнополитического и территориального измерения, а носит исключительно мировоззренческий (субъективный) характер. Попытки его актуализации и привязки к территориям служат инструментом мобилизации электората в период избирательных кампаний и отчасти между ними.

Несколько больше оснований для употребления понятия «многосоставное общество» существует применительно к Кыргызстану. Незавершенность процессов образования кыргызской нации показывает существование, по крайней мере, двух субэтносов – северного и южного, которые различаются по степени оседлости, культуре, религии, образованности. В годы Советской власти консолидацию нации затруднял значительный приток в республику русскоязычного населения, в результате чего доля титульной нации в советский период снизилась до 42%.

Таким образом, линии размежеваний в Кыргызстане выражены довольно четко. Однако отсутствие внутри групп внутренней сплоченности и лидеров, признаваемых представителями того или иного рода или территории, а также переход от родоплеменной идентичности к территориальной также не позволяет нам подходить к указанным размежеваниям с точки зрения

[1] *Горовиц, Д.* Состязание идей // Теория и практика демократии: избр. тексты ; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. – М., 2006. – С. 126.

[2] *Lijphart, A.* Consociational Democracy // World Politics. – 1969. – N 2. – P. 223.

примордиализма. Актуализация и политизация размежеваний в Кыргызстане, как и на Украине, происходила преимущественно в период предвыборных кампаний и служила для политических элит наиболее удобным инструментом политической мобилизации. Если применять примордиалистский подход, то Кыргызстан действительно представляет многосоставное общество, учитывая наличие в стране трех крупных этнических сегментов: кыргызов, русских и узбеков. Парадоксально, но именно эта объективная многосоставность никаким образом не актуализируется и не транслируется в политический процесс, поэтому ее анализ для нашего исследования представляется гораздо менее важным, чем анализ политически актуализируемых размежеваний.

Рассмотрев основные этапы и промежуточные результаты трансформации двух политических режимов, мы приходим к следующим выводам.

Сходства ряда политических процессов в исследуемых государствах были обусловлены намеренно актуализированными и политизированными мировоззренческими и культурными размежеваниями, имеющими некоторую, хотя и неочевидную, объективную основу.

Насильственная смена элит, произошедшая в 2004–2005 гг. на Украине и в Кыргызстане, показала, что отказ от институционализации оппозиционных элит в политическую систему в полицентрических обществах может привести к политическим переворотам. Новые элиты, пришедшие к власти, не смогли обеспечить новую легитимацию сразу на всех уровнях, и, не проводя новых парламентских и региональных выборов, вступили в противостояние с парламентами и отчасти с региональными элитами. Кроме того, началась борьба внутри самой правящей элиты, которую объединяла только цель прихода к власти и свержения предыдущих лидеров. В результате оппозиция новой правящей элиты в значительной мере вырастала из нее самой.

Исследуемый период в обеих странах характеризуется рядом политических кризисов и конфликтов, часто угрожающих существованию всей политической системы. Однако каждый раз правящей элите и оппозиции удавалось разрешать конфликты с помощью серии внутриэлитных пактов, основанных на неформальных договоренностях. В то же время эти пакты носили исключительно ситуативный, а не стратегический, характер, поскольку с изменением расстановки сил и переходом оппозиции во власть каждая элитная группа стремилась максимизировать ресурсы за счет других групп, что приводило к новым политическим кризисам. В Кыргызстане гораздо в большей степени, чем на Украине, инструментом решения таких конфликтов стало открытое уличное противостояние сторонников оппозиции и силовых структур. Причина этого заключается, по-видимому, в том, что в Кыргызстане лидерам оппозиционных групп гораздо проще мобилизовать своих сторонников, опираясь на родоплеменные связи: «свои» всегда

готовы поддержать «своих» во власти. Попытки создать общенациональную оппозицию пока не достигли результата, о чем говорит успех Президента К. Бакиева.

На Украине и в Кыргызстане почти одновременно был изменен институциональный дизайн: приняты практически идентичные решения о том, что правительство должно формироваться с участием парламента, а парламент – целиком по пропорциональной системе. Трансформация формы правления явилась и следствием, и важным фактором политической конкуренции. На Украине усиление парламентского компонента в смешанной форме правления и изменение электоральной формулы на пропорциональную не привело ни к политической стабильности, ни к консолидации демократии. Это объясняется как «дефектностью» новой конституционной формулы, установившей новые институциональные рамки и не устраняющей конфликты, а провоцирующей их, так и структурой внутриэлитных расколов и действиями политических акторов.

В Кыргызстане конституционная реформа и реформа избирательного законодательства, напротив, стали факторами институционализации моноцентрического режима и появления нового доминирующего актора. Именно отмена выборов по одномандатным округам обеспечила доминирование президентской партии в парламенте и ослабление иных политических сил. Таким образом, трансформация электоральной формулы в одинаковом направлении имела на Украине и в Кыргызстане противоположный эффект.

Идеологические ориентации новых правящих элит в обоих государствах показали, что элиты остаются сторонниками не гражданского, а этнического национализма, пытаясь объединить граждан на основе националистических мифов и специфическим образом подобранных исторических событий. Это наименее затратный и в то же время наименее эффективный способ консолидации политической нации в полицентрическом обществе, поскольку значительная часть населения оказывается вне той нации, которую пытаются сконструировать правящие элиты.

Неинституционализированный политический полицентризм, если он не превращается в постоянную «войну всех против всех», прекращается либо с его институционализацией на основе компромисса между основными политическими силами, либо подавлением при наличии необходимых для этого ресурсов у одной из политических сил. Политический процесс на Украине показал, что ни один из значимых политических акторов не может монополизировать власть, уменьшив ресурсы прочих акторов. В Кыргызстане Президент, опираясь на стратегии контрмобилизации граждан, последовательно наращивал свои ресурсы на уровне и формальных, и неформальных институтов.

Анализируя эволюцию политических режимов Украины и Кыргызстана в 2005–2009 гг., мы приходим к выводу, что перехода к новым политическим

режимам в этих государствах не произошло, а политическая трансформация носила внутрирежимный характер. Не произошло также и полной смены конституционной формулы, поскольку все изменения формы правления осуществлялись в рамках полупрезидентской модели. Наблюдается полная преемственность политических институтов и способов решения политических конфликтов по отношению к «дореволюционным» политическим режимам, что позволяет говорить об устойчивости политической традиции в обеих странах и прогнозировать отсутствие сущностного политического перехода в обозримом будущем.

На Украине произошла эволюция от политического режима с доминирующим актором, опирающимся преимущественно на неформальные институты и обеспечивающим баланс сил между конфликтующими элитами, и президенциализированной формой правления, к неустойчивому полицентризму с опорой на неформальные институты и компромиссные стратегии и парламентско-президентскую форму правления. В Кыргызстане режим эволюционировал от фрагментированного авторитаризма А. Акаева через неустойчивый полицентризм и внутриэлитные пакты к новому моноцентрическому политическому режиму с опорой как на формальные, так и неформальные институты. Однако насколько стратегически удачной стала попытка К. Бакиева создать административную партию и подчиненный парламент, продемонстрируют следующие два электоральных цикла. Форма правления в Кыргызстане эволюционировала от президенциализированной президентско-парламентской республики к смешанной республике с усилением парламентского компонента и затем вновь к президенциализированной. Смены власти при новом режиме в Кыргызстане пока не произошло, хотя полюса сценариев ее трансляции остаются, на наш взгляд, прежними: переворот контрэлит и вариант «наследника».

Таким образом, различия в трансформационных процессах обусловлены, прежде всего, интенсивностью и характером основных размежеваний в Кыргызстане и на Украине, а также различиями в политической традиции и уровне модернизации, требующими отдельного изучения. На Украине раскол характерен в первую очередь для элитного уровня, на уровне масс его можно назвать мировоззренческим. Для Кыргызстана характерны более глубокие объективные расколы. Потенциально это ведет к большим угрозам и нестабильности для политического режима Кыргызстана по сравнению с Украиной.

Список литературы

Всесоюзная перепись населения 1989 года ; сост. А. Г. Волков. – Фрунзе, 1988.

Горовиц, Д. Состязание идей // Теория и практика демократии: избр. тексты ; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. – М., 2006.

Головаха, Е., Панина, Н. Национальная толерантность и идентичность на Украине // Национально-гражданские идентичности и толерантность: опыт России и Украины в период трансформации ; под ред. Л. Дробижевой, Е. Головахи. – Киев, 2007.

Итоги Первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 г. в таблицах / Нац. стат. ком. Кыргызской Республики. – Бишкек, 2000.

Lijphart, A. Consociational Democracy // World Politics. – 1969. – N 2.

© Борисов Н.А., 2010

В.Н. Бузин

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА КАЧЕСТВО И СТРУКТУРУ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ

БУЗИН Валерий Николаевич – кандидат социологических наук, руководитель отдела региональных исследований Аналитического центра Видео Интернешнл, член экспертного совета по образованию Российского отделения Международной рекламной ассоциации (e-mail: VBuzin@vitpc.com)

Аннотация. *В статье рассматривается изменение предпочтения телезрителей в привязке к экономической ситуации в медиарекламном бизнесе. Анализ проводился на основе анализа результатов социологического медиаисследования TNS и официальных данных АКАР.*

Ключевые слова: *телесмотрение, информационное поле, телевизионная аудитория.*

Интерес к медиарекламному бизнесу со стороны как социологов, так и экономистов неслучаен. Медиарекламный бизнес включен в структуру массовых коммуникаций – это один из институтов, обеспечивающих поддержание и воспроизводство массового общества. Медиарекламный бизнес отражает состояние экономики государства со стороны активности рекламодателей, публикующих рекламные сообщения и вступающих на этом поле в конкуренцию между собой, а со стороны информационно-социальной отражает социально-политические состояние общества и трансформацию в информационное поле социально-экономического, политического